

В.В. Ефрем

**Памятники древней
письменности и искусства.
72. Посмертные чудеса
святителя Николая,
архиепископа Мир-
Ликийского чудотворца**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
В11

- В11 **В.В. Ефрем**
Памятники древней письменности и искусства. 72. Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мир-Ликийского чудотворца / В.В. Ефрем – М.: Книга по Требованию, 2021. – 91 с.

ISBN 978-5-518-06492-8

Памятник древней русской письменности XI века. По пергаменной рукописи исхода XIV века библиотеки Троице-Сергиевой лавры, № 9

ISBN 978-5-518-06492-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

одного и того же русскаго писателя XI вѣка. Въ первой части, состоящей изъ 27 главъ, заключается собственно житіе, дѣянія и (пожизненные) чудеса Святителя; оно есть переводъ древняго житія Святителя Николая, написаннаго въ V вѣкѣ по Р. Х. его правнукомъ, однимъ изъ старшихъ братій монастыря св. Сіона (близъ Мврѣ-Ликійскихъ), созданнаго Святителемъ Николаемъ, въ коемъ онъ былъ первымъ настоятелемъ. Житіе это можетъ быть названо древнею лѣтописью Сіонской обители, ибо въ немъ повѣствуется подробно какъ о самомъ основаніи этой обители, такъ и о дальнѣйшей судьбѣ ея до самаго преставленія Святителя Николая, въ немъ погребеннаго. Вторая часть этого сочиненія состоитъ изъ 14 (въ нѣкоторыхъ спискахъ 15) посмертныхъ чудесъ св. Николая. Эта часть и составляетъ, вмѣстѣ съ обычно присоединенными къ ней двумя словами на 9 мая (день перенесенія мощей Святителя изъ Мврѣ-Ликійскихъ въ Барѣ-градъ)—русское произведеніе, относящееся, какъ доказываетъ второе изъ этихъ словъ («Историческое сказаніе или повѣсть о перенесеніи мощей») къ 1090 году (доказательство сего см. ниже). Изъ числа описанныхъ въ этой части 14—15 чудесъ не четыре только (два константинопольскихъ и два кіевскихъ), которыя, какъ видно изъ данныхъ, въ нихъ заключающихся, были современны русскому ихъ описателю, но всѣ эти 14—15 описаній сихъ чудесъ принадлежатъ перу одного и того же писателя, хотя и были имъ описаны не въ одно и то же время (такъ, напримѣръ, современные автору два чуда (6 и 7) случились въ Константинополѣ въ

пятидесятихъ годахъ XI вѣка, а изъ двухъ кіевскихъ (13 и 14)—одно относится, по изслѣдованію нашего церковнаго историка преосвящен. Макарія, къ 1090 году, а другое вообще къ началу XI вѣка¹⁾. Это доказываетъ одинаковость слога, оборотовъ рѣчи и употребленіе мѣстами одинаковыхъ выраженій и словъ. Стоитъ лишь прочесть внимательно эти чудеса по древнѣйшему (нынѣ печатаемому) списку (а не позднѣйшимъ, съ XVI вѣка, сильно поврежденнымъ произвольными измѣненіями и дополненіями, что особенно замѣтно въ московскомъ печатномъ изданіи 1640—1642), дабы убѣдиться, что это есть цѣльное русское произведеніе одного и того же писателя. Рѣчь живая, теплая, безыскусственная, не успѣвшая еще затемниться облаками еллинской премудрости. Какое рѣзкое различіе между этимъ сочиненіемъ и болѣе или менѣе современнымъ ему переводнымъ житіемъ того же Святителя Николая соч. Метафраста (начинающимся словами:

¹ Чудеса, по времени ихъ совершенія, раздѣляются такъ: одно (8) относится, судя по упоминаемымъ въ немъ историческимъ лицамъ, къ III вѣку по Р. Х.; одно (11), по содержанію, скорѣе можетъ быть отнесено къ познѣннѣйшимъ (какъ у Метафраста), чѣмъ къ посмертнымъ чудесамъ, а слѣдовательно къ IV вѣку по Р. Х.; одно (3) не заключаетъ въ себѣ вовсе данныхъ для опредѣленія времени его совершенія; два (4 и 5) относятся къ періоду владычества Арабовъ въ Сиріи (632—995); два (2 и 12)—къ періоду владѣнія Арабовъ Критою (825—861); два константинопольскихъ неопредѣленнаго времени; одно (1), случившееся въ Исавріи — неизвѣстнаго времени; одно константинопольское относится къ 695—698. Вообще, четыре чуда, современныя автору, относятся къ XI вѣку и девять къ предыдущимъ столѣтіямъ. Болѣе замѣчательныя по содержанію и изложенію: 6—о коврѣ, 7—объ отрокѣ боярина Елифанія, 11—о трехъ дѣвцахъ, 13—о младенцѣ, утонувшемъ въ Діѣпрѣ, и 14—о Половчанинѣ.

«Мудра нѣкая вещь, животописецъ рука»...) Тутъ совершенно наоборотъ: рѣчь тяжелая, искусственная; видна преобладающая надъ всѣмъ забота передать дословно мысль подлинника, безъ всякой заботы о чистотѣ языка и удобопонятности изложенія; тогда какъ разсматриваемое нами произведеніе, какъ въ первой части (переводной), такъ и во второй (оригинальной) составляетъ драгоценность для русской филологіи, какъ отличное пособіе для изученія нашей письменной рѣчи ея древнѣйшаго періода. Мнѣніе наше о цѣльности второй части подкрѣпляется еще тѣмъ, что въ описаніи кіевскаго (последняго изъ 14-ти) чуда о младенцѣ, утопшемъ въ Днѣпрѣ, авторъ, какъ бы возвращаясь воспоминаніемъ ко всему имъ вышенаписанному, влагаетъ въ уста скорбнаго, но глубоко вѣрующаго отца, при его молитвѣ къ Святителю, такія выраженія: «...ци, мнишь мя не вѣдающа твоихъ чудесъ?...» И засимъ въ однихъ спискахъ сокращенно, а въ другихъ (одинъ исхода XV вѣка) пространно воспоминаетъ почти всѣ описанныя выше чудеса. Не доказываетъ ли это весьма ясно, что всѣ сіи чудеса несомнѣнно описаны однимъ и тѣмъ же писателемъ?

Перейдемъ къ изслѣдованію того, кто могъ быть авторомъ этого анонимнаго произведенія. Что это было лицо духовное—въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія: доказывается это способомъ выраженія о самомъ себѣ, носящемъ печать глубокаго иноческаго смиренія. Это же чувство помѣшало ему объявить свое имя потомству, какъ читаемъ въ послѣсловіи седьмаго чуда: «азъ же», говоритъ онъ о себѣ—«братіе и отцы, грѣшный и не-

достойный имени моего писанію предати». По счастью, въ самомъ описаніи есть та руководительная нить, взявшись за которую можно прійти къ заключенію объ имени автора, не только вѣроятному, но можно сказать—несомнѣнному. Такъ, въ чудѣ шестомъ, о коврѣ, писатель говоритъ, что оно совершилось при бытности его въ Царьградѣ («при моей худости»), «патріарху тогда сущему Михаилу». А въ слѣдующемъ (седьмомъ) чудѣ, объ отроцѣ болярина Елифанія, говоритъ, что боляринъ этотъ былъ почтенъ честію великою отъ царя Константина, и еще, что боляринъ ѣздилъ купить себѣ отрока на торгъ «идѣже русіи купцы челядь продають». Патріархъ Михаилъ Керулларій (1043—1059) точно былъ при царѣ Константинѣ Мономахѣ (1042—1059). И такъ, въ то время, въ которое случились эти два чуда въ Царьградѣ, нашъ писатель былъ тамъ же и тамъ же, записалъ ихъ («да не предамъ ся (сія) забвенію»), равно какъ и прочія посмертныя чудеса Святителя Николая, о которыхъ онъ частію читалъ въ греческихъ записяхъ, а болѣе узналъ изъ устныхъ рассказовъ благочестивыхъ и книжныхъ мужей. Тогда же, движимый чувствомъ особой преданности къ Святителю Николаю, онъ перевелъ съ греческаго древнее житіе его (V вѣка).

Съ другой стороны извѣстно, что въ то самое время, когда совершились въ Царьградѣ два вышеупомянутыхъ чуда, то-есть въ пятидесятыхъ годахъ XI столѣтія, проживалъ тамъ инокъ Печерскаго монастыря Ефремъ кажежникъ, бывший домоправителемъ Кіевского Великаго Князя Изяслава, который былъ (вмѣстѣ съ Варлаамомъ) однимъ

изъ первыхъ постриженниковъ пр. Антонія. Постриженіе Ефрема и Варлаама (сына одного изъ знатныхъ кievскихъ боярь) безъ воли Великаго Князя, навлекло на пр. Антонія и его малое словесное стадо гнѣвъ Изяслава, и едва не сдѣлалось причиною удаленія изъ Кіева пр. Антонія. Дѣло это устроилось. Но Ефремъ, конечно не безъ совѣта своего духовнаго наставника, счелъ необходимымъ удалиться на время изъ Кіева въ Царьградъ. Это случилось вскорѣ по прошествіи 1054 года: «и ту, пишетъ пр. Несторъ въ житіи пр. Θεодосія— живяше въ единомъ монастырѣ» (вѣроятно въ Студійскомъ). Есть свидѣтельство и о томъ, что проживая въ Царьградѣ Ефремъ занимался книжными трудами. Пр. Несторъ въ томъ же житіи пр. Θεодосія пишетъ: «по сихъ (послѣ 1062 года) пр. Θεодосій посла единого отъ братій въ Константинъ-градъ къ Ефрему каженнику, да весь уставъ Студійскаго монастыря списавъ принесетъ ему», что и было исполнено. Ефремъ списалъ, то есть перевелъ уставъ съ греческаго языка на русскій, и послалъ его пр. Θεодосію, самъ же остался въ Царьградѣ до 1072 года. Кто же, спрашиваемъ, могъ вѣроятно нѣе Ефрема быть переводчикомъ житія и писателемъ чудесъ св. Николая, совершившихся въ бытность его, Ефрема, въ Царьградѣ? Это предположеніе было бы вполне вѣроятно даже и въ такомъ случаѣ, если бы Ефремъ не имѣлъ никакого отношенія къ сему дѣлу, но мы увидимъ ниже, что переводъ житія и чудесъ Святителя Николая былъ для Ефрема лишь началомъ другаго дѣянія, имѣвшаго ближайшее отношеніе къ памяти великаго Святителя.

«Послѣдн же, пишетъ пр. Несторъ—Ефремъ изведенъ въ страну сию (въ Кіевѣ), и поставленъ бысть епископомъ въ городѣ Переяславѣ». Это случилось не ранѣе смерти переяславскаго епископа Петра, который по лѣтописи еще упоминается въ 1072 году. И такъ, по этимъ свидѣтельствамъ, Ефремъ прожилъ въ Царьградѣ не менѣе восемнадцати лѣтъ (съ 1055—1073). Время достаточное какъ для совершенія разсматриваемаго нами труда, какъ переводной части (житія и дѣянія), такъ и посмертныхъ чудесъ Святителя Николая. Изъ самаго же состава этого сочиненія видно, что оно, будучи начато въ Царьградѣ, окончено въ Кіевѣ, присоединеніемъ къ нему двухъ собственно кіевскихъ чудесъ, изъ коихъ одно—о Половчинѣ—по примѣтамъ относится вообще къ XI вѣку, а другое, о спасеніи св. Николаемъ утопшаго въ Днѣпрѣ младенца, по вышесказанному—къ 1090 году, то-есть къ тому году, въ который совершенно въ Варѣ градѣ второе перенесеніе мощей св. Николая (принесенныхъ туда въ 1087 году) изъ церкви Преображенія въ новосозданный во имя его храмъ, и положены оныя подъ мраморнымъ престоломъ сего храма. По этому случаю и тѣмъ же писателемъ написано слово или повѣсть объ этомъ перенесеніи, обычно присоединяемая къ житію и чудесамъ св. Николая, наряду съ другимъ похвальнымъ словомъ, основаннымъ на житіи его, для чтенія обоихъ въ церкви въ день 9 мая, а конечно также и 6 декабря. Вообще говоря, связь сего сочиненія съ этимъ событіемъ очевидна. Оно окончено, то-есть переведено въ агиологическую форму, въ которой дошло до насъ

(житіе, чудеса и два слова) послѣ перенесенія мощей въ Варъ-градъ (1087) и установленія въ честь сего событія церковнаго празднества 9 мая, въ 1090 году (о чемъ и повѣствуется въ вышеупомянутой повѣсти). Въ томъ же 1090 году, какъ сказано выше, случилось въ Кіевѣ чудо св. Николая съ младенцемъ (чудо Николы Мокраго), усилившее въ рускомъ народѣ вѣру и благоговѣйное почитаніе къ искони чтимому и любимому Святителю.

Спрашивается, кто изъ русскихъ святителей и когда именно установилъ такое же церковное празднество у насъ на Руси? Незабвенный исторіографъ Н. М. Карамзинъ приписываетъ это, и по нашему мнѣнію справедливо—Ефрему, то-есть отнесъ это событіе къ тому времени, когда переяславскій епископъ Ефремъ, имѣвшій титулъ митрополита (1091—1096), управлялъ кіевскою митрополіею. Онъ то, какъ человѣкъ русскій и чтившій особенно память великаго Святителя, по сказаннымъ выше причинамъ, усиливши свою любовь къ нему переводомъ на русскій языкъ его житія и описаніемъ посмертныхъ чудесъ его древнихъ и при немъ въ Царьградѣ совершившихся, возвратясь въ Кіевъ и будучи (не позже 1073 года) поставленъ въ переяславскіе епископы (причемъ пользовался титуломъ митрополита: «бѣ бо», пишетъ Несторъ—«прежъ митрополѣя въ Переяславлѣ»), придалъ своему произведенію агіологическую форму, и затѣмъ установилъ въ русской церкви праздникъ перенесенія мощей св. Николая, что, по вышесказанному, не могло случиться ранѣе 9 мая 1091 года

(ибо, по вышесказанному, и въ Бѣльградѣ праздникъ этотъ установленъ въ третій годъ по принесеніи туда мощей Святителя, а именно въ 1090 году), и по смерти помощнаго тѣломъ и духомъ митрополита грека Іоанна II.

Въ теченіи пятилѣтняго управленія Ефрема кievскою митрополіею (съ 1091 — 1096) празднество это, пришедшее по сердцу русскому народу, такъ успѣло утвердиться на святой Руси, что прибывшій въ Кіевъ изъ Грeцiи въ 1097 году, по смерти Ефрема, митрополитъ грекъ, притомъ же носившій имя великаго Святителя, уже не посмѣлъ, если бы и вздумалъ—отмѣнить праздникъ, на установленіе котораго Ефремъ едва ли испрашивалъ разрѣшенія у константинопольскаго патріарха, такъ какъ ему, жившему долго въ Царьградѣ, не могло быть неизвѣстно, что у грековъ не было этого праздника, и они, какъ нынѣ, такъ и тогда—считали перенесеніе мощей Святителя «въ страну латинскую» себѣ въ укоризну. Не обратить на это обстоятельство особаго вниманія могъ рѣшиться только человѣкъ глубоко благоговѣйный и родолюбецъ, а таковымъ именно наши лѣтописныя извѣстія и изображаютъ Ефрема, почтеннаго церковію именемъ святаго. Онъ скончался въ 1096 году и погребенъ въ кievскихъ пещерахъ.

Почтимъ же признательностью память сего святителя-патріота, родолюбца, который и какъ писатель-агіографъ, послѣ обнаруженія нами его труда, долженъ занять въ будущихъ обзорахъ нашей древней литературы принадлежащее ему по праву мѣсто между своими современниками: мнихомъ Іаковомъ и Несторомъ лѣтописцемъ.

Къ настоящему изданію произведенія св. Ефрема присоединяемъ древнюю службу на перенесеніе мощей Святителя Николая (стихиры и канонъ) по списку исхода XV вѣка (изъ библіотеки графа А. С. Уварова). Служба эта очевидно написана по случаю установленія у насъ праздника перенесенія мощей, и по самому языку носитъ печать древности; авторомъ ея можно признать или того же св. Ефрема, или его современника, печерскаго инокъ Григорія творца каноновъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что и Болгарская церковь въ XIII вѣкѣ имѣла у себя праздникъ 9 мая. Это видно изъ мѣсяцслова при Четвероевангеліи юсоваго болгарскаго письма исхода XIII вѣка, вывезеннаго изъ лавры Саввы освященнаго въ тридцатыхъ годахъ А. С. Норовымъ и находящагося нынѣ въ Порѣчской библіотекѣ покойнаго графа А. С. Уварова. Въ этомъ мѣсяцсловѣ значится всего три болгарскихъ праздника: 14 февраля — пр. Кирилла учителя Славянъ; 19 октября — пр. Іоанна Рыльского, и 9 мая — перенесеніе мощемъ св. Николы. Болгарское царство покорено было византійскимъ императоромъ въ 1018 году и возстановилось вторично лишь въ 1186 году Асѣнемъ и братьями его; изъ этого и приходится заключить, что Болгарская церковь ввела у себя это празднество уже послѣ 1186 года, слѣдуя примѣру нашей церкви.

Одинъ изъ современныхъ филологовъ въ «Обзорѣ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ», встрѣтивъ въ одномъ изъ сборниковъ отрывокъ раз-

смаатриваемаго сочиненія (кіевское чудо «Николы Мокраго») и будучи пораженъ величественною простотою и вмѣстѣ художественностью этого перла нашей древней письменности (1090) съ нескрываемымъ восторгомъ отзывается о немъ такъ: «Мы не знаемъ инаго примѣра, въ цѣлой нашей литературѣ едва-ли найдемъ сочиненіе, гдѣ бы столь вѣрно и столь наглядно представлены были самолюбивые инстинкты (русскаго человѣка), идущіе рядомъ съ безграничною преданностію и довѣріемъ¹, или свойственныя русской природѣ скептическія начала, идущія рука объ руку съ самою простодушною готовностью жертвовать всѣмъ, какъ это сдѣлано въ этихъ характеристическихъ, какъ бы вырвавшихся изъ души народной словахъ и мысляхъ, посредствомъ которыхъ неизвѣстный намъ по имени авторъ-психологъ изображаетъ горестную печаль жалѣющаго о потерѣ единственнаго дитяти кіевлянина. Немногія безъискусственныя слова несчастнаго, осиротѣлаго отца содержатъ самую лучшую характеристику тѣхъ дивныхъ, логически какъ бы противорѣчивыхъ, а все таки психологически совмѣстныхъ и вполне сообразныхъ русской природѣ, въ силу которыхъ мы были въ состояніи на самыя трудныя эпохи нашей исторіи не только отстоять

¹) При посѣщеніи кіевскихъ пещеръ нельзя не замѣтить и теперь этого же особеннаго свойства въ обращеніи русскихъ людей съ похороненными въ пещерахъ этихъ святыми, которые и теперь считаются какъ бы хорошими знаковыми, друзьями и заступниками православнаго народа, тогда какъ католическіе святыя окружены какою-то грозой величія: къ нимъ позволяютъ приближаться не часто и не безъ особеннаго трепета и страха.